

Сайкина Гузель Кабировна

МЕТАФИЗИКА ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВАНИЯ, ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

***Аннотация:** работа направлена на решение вопроса: «Как возможна «метафизика человека»?». Обоснована необходимость утверждения самостоятельного дисциплинарного статуса данного ответвления метафизики. Показано противоречивое конституирование ее предметности: предмет дан посредством метафизического усилия человека; метод по сути тождественен предмету. Метафизика человека выступает как процесс реализации метафизической сущности человека и одновременно как рефлексия данного процесса, теория метафизики. В качестве оснований теории метафизики человека выделены: идея метафизической сущности человека и идея человека как онтологической основы сущего. Они формируют собой соответственно два основных тренда «метафизики человека»: философско-антропологический и онтологический. Помимо них выявлены гносеологический, социально-философский, этический тренды; разработка двух последних из них сегодня наиболее востребована.*

***Ключевые слова:** метафизика человека, человек как метафизическое событие, бытие, рефлексия, общество, ответственность.*

***Abstract:** the work is aimed at resolving the question: «How is «human metaphysics» possible?» The necessity of establishing an independent disciplinary status of this branch of metaphysics is substantiated. The contradictory constitution of its objectivity is shown: the subject is given through the metaphysical effort of man; the method is essentially identical to the subject. Human metaphysics acts as a process of realization of the metaphysical essence of man and at the same time as a reflection of this process, the theory of metaphysics. The following are distinguished as the basis of the theory of human metaphysics: the idea of the metaphysical essence of man and the idea of man as the ontological basis of existence. They form respectively two main*

trends of «human metaphysics»: philosophical-anthropological and ontological. In addition to them, epistemological, socio-philosophical, ethical trends were identified; the development of the last two of them is most in demand today.

Keywords: *human metaphysics, man as a metaphysical event, infinite being, reflection, society, responsibility.*

Занятия метафизикой в любом ее варианте сегодня являются своего рода теоретическим табу. «Метафизика единого», «метафизика тождества», «метафизика субъекта» оказались под прицелом жесточайшей критики. За ними усматривают универалистские претензии человека и насаждение власти единого. Однако любая критика создает вокруг себя особое мыслительное пространство, в котором создается благоприятная почва для постановки под сомнение любых положений, а значит, и самих исходных критических утверждений. Тем самым критика метафизики может продуцировать амбивалентные теоретические следствия, даже еще больший интерес к ней.

Интересное положение высказал Э. Корет. По его мнению, те, кто говорят об устарелости метафизики или о наступлении пост-метафизической эпохи, «вряд ли знают, что, собственно, есть метафизика и чем она должна быть, – чем она может быть и что должна делать сегодня. Отсюда вопрос: что такое метафизика?» [1]. Далее он пишет: «Между тем очевидно возрастает потребность в духовной ориентации и постижении смысла, таким образом можно говорить даже о новом интересе к метафизике. И все же возражения следует принимать всерьез. Метафизика должна методически исходить из основания своей возможности и отсюда осуществляться, причем истинные содержательные моменты классической традиции должны сохраняться, равно как устремления и проблемы новейшего мышления должны выноситься на открытое обсуждение... Метафизика имеет будущее, ибо будущее также нуждается в метафизике» [1]. Действительно, на самом деле огульное ниспровержение метафизики не продуктивно; вероятно, для полноценного

развития метафизики необходимо постоянно возобновлять процесс дисциплинарного самоопределения, коррекции теоретических принципов, не забывая при этом накопленный багаж, классические наработки.

Считаем, что в ситуации метафизического вакуума и метафизического отчуждения, которая привела к так называемой «антропологической катастрофе», следует говорить не о засилье метафизики, а о необходимости ее развития, причем сознательно возвышая ее статус и осмысляя ее потенциал.

Более того, существует одна предметная область метафизического вопрошания, которая, по нашему убеждению, будет сопровождать человека постоянно, покуда жив сам человек, и этой областью является «метафизика человека». Такая уверенность проистекает из того, что человек в своей сущности есть метафизическое существо, живущее сверх и вопреки природному и эмпирическому срезу существования. И именно разработка данного вида метафизики наиболее значима сегодня в виду превращения человека в так называемую «глобальную проблему современности»: именно будущее человека нуждается в метафизике.

Правда, существует особая позиция относительно связи метафизики и человека. Так, М. Фуко критиковал современную антропологическую конфигурацию философии за обращение к *конечным* характеристикам человека: жизни, труду, языку. Анализ конечных характеристик человека влечет за собой, по его мнению, измену метафизики самой себе и означает «конец метафизики». Фуко делает категоричное заявление: «Конец метафизики является отрицательной стороной гораздо более сложного события, происшедшего в западном мышлении. Это событие – появление человека» [7, с. 339]. Здесь имеется в виду появление человека как эпистемологического феномена в «современной эпистеме», оформившейся, по мнению автора, в к. XVIII – н. XIX века. Человек отныне уже не может ставить вопроса о первоначале. В результате вместо метафизики появляется множество «видов» метафизики: метафизика

жизни, метафизика труда, метафизика языка. Таким образом, согласно Фуко, метафизика и человек не могут ужиться в «общем теоретическом поле».

Напомним, что позиция несопоставимости метафизики и человека имеет долгую традицию. Для классической метафизики (так называемой «первой философии»), исследующей первопринципы сущего, человек не представлял интереса; его не связывали с онтологическими первоосновами. Исследовались проблемы соотношения бытия и мышления, бытия и вещи, но не человек как уникальный род сущего (хотя это не означало, что в человеке не видели сверхчувственной реальности). Дело еще заключалось и в методе метафизики: абстрактные рассуждения о «сущем самом по себе» не сочленялись с анализом человека, представляющим собой конкретный вид сущего.

Однако в первой половине XX века сформировалось новое дисциплинарное ответвление метафизики – «метафизика человека», которое базировалось на убеждении, что абстрактные метафизические размышления о высших принципах, первопричинах и сверхчувственных началах сущего вполне переводимы в плоскость рассуждений о человеке, так как человек (конечно, конечный по своей природе) по своей сущности может рассматриваться в качестве *основания, первоначала и первопричины* сущего как такового, метафизически обращен к абсолютному и «болен» тоской по Иному. «Метафизика человека» как особая отрасль метафизического знания складывалась в неклассической парадигме философствования (в рамках направлений: философская антропология, экзистенциализм, феноменология, персонализм), на фоне мощного антропологического движения, приведшего к «антропологическому повороту» всей философии. Установки мыслителей данных направлений сводились к тому, что *метафизика в целом и должна быть собственно «метафизикой человека*: сущее необходимо истолковывать через метафизический анализ человека. М. Шелер писал: «только *исходя из сущностного строения человека*, которое исследует «философская антропология», можно сделать *вывод* – исходя из его духовных актов,

изначально проистекающих из центра человека – относительно истинных атрибутов *вышей основы* всех вещей» [9, с. 11].

Следует сказать, что в этот период возникло еще одно важное смысловое значение метафизики. Так, М. Хайдеггер призывал не относиться к метафизике лишь как к умозрительной области: «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Оно и есть само человеческое бытие» [8, с. 26]. В результате «метафизикой человека» стали обозначать реальный процесс осуществления человеком своего метафизического начала и предназначения. Тем самым она перерастает спекулятивную сферу абстракций и становится фундаментальным условием человеческой жизни как События Человека.

Таким образом, *метафизику человека* можно определять, с одной стороны, как *способ бытия человека в режиме «метафизического сбытия»*, и, с другой стороны, как *его рефлексию, теорию метафизики человека*, которую сложно выстроить лишь спекулятивным путем, без определенного настроя на реальную метафизику и ее проживание.

В целом теоретическая «метафизика человека» – сравнительно молодая область метафизики, которая относительно недавно встала на путь дисциплинарной институционализации. Вследствие этого решение вопросов ее проблемного и содержательного наполнения, принципов диалога с другими разделами философии является достаточно актуальным. Акцентуализация вопроса «Как возможна «метафизика человека» как отрасль метафизики?» позволит прояснить основания, пределы и эвристические возможности «метафизики человека».

Данный вопрос подразумевает и решение следующего вопроса: «возможно ли существование «метафизики человека» в рамках «общей» метафизики или «метафизика человека» должна особо вычленяться как отдельная отрасль метафизики?». Этот вопрос может решаться по-разному и одновременно оставаться открытым для окончательного решения. Мы признаем, что утвердительный ответ на первую часть вопроса может не позволить отнести к

человеку как к *самостоятельному* «роду» сущего, как к самоосновности. При этом для обоснования правомерности выделения «метафизики человека» в особую отрасль метафизики необходимо в первую очередь обратить внимание на один простой, очевидный «факт»: само пространство метафизики как движение к запредельным началам и причинам сущего «открывается» *только* человеку, причем в особом измерении бытия, в особом «опыте». Человек действительно выделен из всего сущего тем, что обладает такой уникальной способностью. Считаем, что здесь возможен следующий ответ: «метафизика человека» – это самостоятельная область исследования со своим специфическим предметом, однако при этом она не должна отрываться от «общей метафизики», ее традиций и принципов, так как рождение человека в качестве метафизического существа неразрывно связано с его диалогом с бытием, с трансценденцией к Иному, к сфере Абсолютов.

Какова же предметная область «метафизики человека»? Отечественный теоретик метафизики М.К. Мамардашвили среди множества определений метафизики выдвигает и следующее: «метафизикой в философии называется тот ее раздел, который занимается выявлением условий бытия человека в качестве человека – субъекта истории и судьбы» [3, с. 111]. «Метафизика человека» исследует основания человеческого существования, направляет взор к первопричинам бытия человека в качестве сверхприродного существа, способного превосходить мир и себя как эмпирическую наличность. Ее теоретическим базисом, по нашему мнению, можно считать следующее положение: человечность обретается не в изоляции человека от мира, а, напротив, утверждается как «бытие-в-мире».

Между тем при анализе предмета метафизики человека необходимо учитывать следующий важный момент, представленный в следующих словах Корета: «предмет метафизики не дан, пока он не обнаруживается в исполнении метафизического мышления»; «ее «предмет» только посредством метафизического мышления становится тематической, но никогда не

эмпирически-предметной данностью» [1]. Действительно, «предмет» метафизики – метафизическая (сверхчувственная, сверхфизическая) реальность – невидим физическим взором и в определенном роде конституируется самим человеком. Метафизическая область абсолютов по существу держится нашими метафизическими усилиями. Человек сам способен «создавать» иную реальность, нежели та, которая бросается ему в глаза.

Предмет «метафизики человека» – это человек в метафизическом режиме, и он появляется лишь в исполнении метафизического акта. Предмет «метафизики человека» так же не дан, хотя по существу *он есть мы сами* (но не как очевидная наглядность, эмпирическая данность, а как событие преодоления своего «фюсиса», причинной цепи явлений и прорыва в область свободы). В принципе предмет метафизики человека создается самим человеком, его метафизической работой, причем, не обязательно только актом мышления, но и актами любви, поступка, веры, творчества. В свою очередь метафизическое вопрошание одновременно само делает человека человеком, способствует обретению им человеческого статуса.

Таким образом, в полном смысле «знать» метафизику я могу, только исполняя метафизические события; следовательно, теоретизирование в рамках метафизики человека – вещь в определенном роде *вторичная*, возможная в полном смысле слова «после» реальной метафизики, вслед за ней. Я не могу исследовать метафизические акты абстрактно, вне метафизической «практики»; я могу исследовать их лишь «изнутри», проживая их или хотя бы прожив их когда-то, лишь испытав на себе, что значит «находиться в метафизическом режиме». В таком контексте предмет теоретической метафизики – объективные метафизические акты самопревосхождения – является одновременно и своего рода методом метафизики человека. Тем самым можно сказать, что предмет метафизики человека совпадает с методом постижения объективного предмета, предмет дан благодаря методу (а значит, благодаря человеческому усилию).

Предмет метафизики – событие Человека или человек как Событие. Следовательно, ее методом может быть событийный подход. Он, на наш взгляд, «выигрышен» в том плане, что определяет мир как единство. Человеческая сущность объективно рождается в деятельностном общении с разными мирами. И метафизический подход весь этот спектр должен учитывать. Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать вывод, что методом «метафизики человека» является сама *метафизика*.

Отметим, что уже при анализе истории конституирования «метафизики человека» в XX веке явно обозначаются два ее *идейных основания*, принципа, выступающих к тому же и как два способа обоснования возможности «метафизики человека».

Первым теоретическим основанием «метафизики человека» выступает идейный принцип метафизической сущности человека, согласно которому человек как сверхприродное существо рождается и живет в особом режиме трансценденции и способен быть началом самого себя. Человек самоосновен, обусловлен только самим собой или, что то же самое, собственной свободой. Метафизические акты требуют усилий и мужества человека, постоянного самопреодоления, самоперерождения. Так или иначе любой человек вводит в свою «картину мира» метафизическое измерение, вопрошает о бытии, свободе, грезит об особом идеальном мире, устремлен к Иному. В определенном смысле утверждается сущностная неискоренимость метафизического начала человека.

Вторым основанием является идейный принцип, согласно которому человек есть основание, первоначало, квинтэссенция сущего, средоточие всех родов бытия, «встреча всех сущностей», как выражался Шелер. Действительно, он живет на пересечении разных миров: природного, социального и трансцендентного. К тому же, человек есть существо, которое вопрошает о бытии и стремится жить в бытийном режиме. Он есть самостоятельная онтологическая сущность.

Данные основания внутренне взаимосвязаны, обуславливают друг друга. Именно в своем преступлении за пределы чувственной реальности человек может возвыситься до статуса первоначала сущего, бытийствующего существа; метафизическое рождение человека к тому же выступает как особый режим бытия. В учениях Шелера и Хайдеггера были задействованы оба идейных принципа. Возможно, этого требовал начальный этап дисциплинарной институционализации «метафизики человека»: необходимо было тщательное обоснование правомерности ее конституирования. Однако заметим, что философы, разрабатывая метафизику человека, не обязательно могут базироваться одновременно на двух основаниях, а в зависимости от теоретического интереса или актуальности могут взять на вооружение лишь одну из идей и специально ее разрабатывать. В таком случае идейные основания конституируют два самостоятельных тренда «метафизики человека» (а именно *философско-антропологический тренд и онтологический тренд*).

Важно понимать, что сегодня та или иная идея вводится в теоретическое поле при однозначном определении дискурса и принципов, которыми необходимо руководствоваться при ее обосновании и развитии. Идея метафизики человеческого бытия также требует определенных «оговорок». Необходимо поэтому, по нашему мнению, выявить все философские контексты, в которых она может разворачивать свои исследования и развивать свои идеи. Решение данного вопроса является достаточно важным, так как определяет наряду с перспективами исследования еще и некоторые ее «болевые точки», лакуны. Поэтому важен анализ ее основных трендов. Нами выявлены следующие тренды «метафизики человека»: *философско-антропологический, онтологический, гносеологический, социально-философский, этический (и биоэтический)* тренды. Они могут быть определены как некие типы метафизики человека, в зависимости от того, в рамках какого раздела философии развиваются и с каким разделом ведут диалог. Поэтому соответствующий раздел можно рассматривать для них как своего рода теоретическую платформу, маяк

для ориентирования. В таком случае их можно обозначить и как *антропологически ориентированную*, *онтологически ориентированную*, *гносеологически ориентированную*, *социально-философски ориентированную*, *этически ориентированную* модели развития «метафизики человека». Следует учитывать, что данные тренды можно рассматривать одновременно и как самостоятельные формы «метафизики человека», и как ее отдельные разделы. При абсолютизации же они могут выступать как определенные уклоны, редукции развития.

1. *Философско-антропологический тренд «метафизики человека»*. Философско-антропологический контекст является *«родным»* для «метафизики человека», так как она изначально конституировалась на базе принципа антропологизма, в рамках «антропологического поворота», означавшего переподчинение всей философской проблематики проблеме человека, получившей особое, приоритетное место и превратившей человека в главную ее «заботу». «Метафизика человека» составляет ядро философской антропологии, предметом которой по существу и является человек как метафизическое существо, свободное и самосозидающее существо. Она играет роль своего рода аксиоматического базиса, теоретического основания, ценностной предпосылки для анализа богатого спектра философско-антропологических проблем, который не исчерпывается только проблемами метафизики человека. Необходимо иметь в виду, что вопросы онтологии человека вовсе не являются второстепенными для философской антропологии, однако для философско-антропологического тренда важным будет преобладание разработки первого идейного основания над вторым, подчинение второго первому.

На современном этапе для развития данного тренда актуальными становятся проблемы соотношения «фюсиса» человека и метафизического измерения человеческого. Много внимания сегодня уделяется уже метафизике тела, пола, то есть характеристикам человека, являющимся на первый взгляд физическими. Востребованными становятся вопросы постчеловеческой формы.

2. *Онтологический тренд «метафизики человека»* тесно связан с философско-антропологическим трендом. Необходимо иметь в виду, что изначально в философии «общая метафизика» сущностно отождествлялась с онтологией. «Метафизике человека» так же не чужда онтологическая платформа, правда, онтологической единицей человек стал лишь в эпоху «антропологического поворота». По сути, только две реальности соизмеримы: бытие и человек, ведь только человеку дано сущее в целом, ведь только он откликается на «зов» бытия. Кроме того, человек самоосновен, как бытие.

Необходимо к тому же иметь в виду, что для осмысления сущности человека как метафизического существа важно поддерживать, по нашему мнению, онтологический подход, который ставит ударение на вопрос о способе его бытия, на то, как он *«есть»*, бытийствует, а не на то, *какой* он, какой он в своих атрибутивных характеристиках.

Однако необходимо иметь в виду, что исторически между метафизикой и онтологией на самом деле существовали невидимые, невербализуемые ими различия в основаниях и принципах. Так, нами «обоснован новый подход в различении метафизики и онтологии на базе выявления двух фундаментально различных школ предельного поиска единого: «Школы Начала» (с принципом безусловного приоритета Начала по отношению к сущему и иерархичным восприятием реальности) и «Школы Бытия» (с принципом безначальности бытия и перманентным держанием сущего в единстве)» [6, с. 26–27] и доказано укоренение прежней метафизики в «Школе Начала», что привело к появлению репрессивного человека, способного слышать лишь самого себя. Поэтому мы считаем эвристичеки значимым обогащение «метафизики человека» бытийными принципами совместности, событийности и предельной ответственности.

3. *Гносеологический тренд «метафизики человека»*, на первый взгляд, не является специфичным для разворачивания проблематики «метафизики человека». Однако не будем забывать, что в Новое время метафизика уходила от анализа оснований сущего в сторону оформления себя в качестве метафизики

познания. Редукция сущего к мышлению и смещение оптики с мышления на познающий субъект вполне могли способствовать отождествлению метафизики с гносеологией. Н. Лобковиц определяет в связи этим интересную тенденцию развития метафизики – «от субстанции к рефлексии» [2]. Действительно, у Р. Декарта, к примеру, на первом месте было *мышление*, которое бытийствует, а не бытие, которое умопостигается. Уровень *cogito* приводил к антропологическому обоснованию сущего; сущее же открывается только в актах рефлексии над самим собой. Такой подход конституировал определенные предпосылки для формирования «метафизики человека».

Способность человека к рефлексии как исконно человеческая способность позволяет человеку жить в режиме, в котором все мысли, все действия, все желания соотносятся с самосознанием. Человек живет благодаря рефлексии в режиме «у-себя-бытия», «для-себя-бытия».

Однако необходимо помнить и об опасностях гносеологизма того времени с его субъект-объектным противопоставлением, редукцией человека к функции познания и осмыслением метафизики человека по меркам модели трансцендентального, дистанцированного от мира и социума субъекта. В силу того, что трансцендентальный субъект, имеющий статус самодостаточного Абсолюта, всегда уже «есть», дан до самого метафизического акта мышления, сам познающий человек (как его проекция) обретал статус внеисторичного, абстрактного, обезличенного субъекта-Робинзона. Неклассическая философия, как известно, обнаруживает здесь противоречие: как свершившийся субъект человек уже закрыт для метафизики. К тому же, самозамкнутый разум не способен открыться бытию. Кроме того, в данный период выдвигается идеал «бытийного мышления» в противовес «рассчитывающему мышлению» (Хайдеггер). Тем самым обнаруживается, что не всякое мышление является для человека метафизическим. Поэтому важен современный анализ демаркации метафизического мышления от других его видов.

4. *Социально-философский тренд «метафизики человека* находится на стадии формирования. Вероятно, многие исследователи его вообще не воспримут. Дело в том, что диалог «метафизики человека» с социальной философией долгое время был вообще невозможен по многим причинам. Конституирование метафизики человека в рамках экзистенциалистской «парадигмы» (в которой, как известно, человеческое и социальное, представленное как умерщвляющий метафизическое начало человека фактор, существовали в отношении оппозиции) способствовало осмыслению актов метафизики человека вне социального контекста; к тому же, она мыслилась как способ преодоления отчуждения и обезличивания человека в обществе.

Однако человек живет именно в обществе, причем в разных формах: посредством общества, благодаря обществу и иногда вопреки обществу.

В связи с тем, что социальное встроено в человека, представлено в нем, в реальной метафизике человека воспроизводится социальное содержание, имеющее личностную форму. Нам представляется, что именно анализ противоречия социального и человеческого в рамках самого метафизического сбывания может дать новое дыхание «метафизике человека». Метафизика человека имеет мощный социальный смысл и продуцирует социальные эффекты, в конечном счете конституируя метафизический базис общества [4–6]. «Без трансцендентного пласта социальное быстро истощается, так как наращивание социальной ткани происходит за счет субъектности человека, в т.ч. актов его трансцендирования» [4, с. 163].

Привнесение социального контекста в разработку «метафизики человека» особенно важно в ситуации «антропологической катастрофы», которая сводится не только к кризису метафизической способности человека, но и к разрушению цивилизованных структур, «приставок» социальной жизни. Поэтому «метафизика человека» сегодня возможна как социально-философская проблема, как область социально-философского дискурса. Разворачивание данного тренда представляется значимой перспективой исследования.

5. Этический и биоэтический тренд «метафизики человека».

Метафизические акты человека вводят человека в область свободы, а, значит, неизбежно сопрягаются с проблемой ответственности и тем самым приобретают этический модус. Любовь, мышление, вера, творчество становятся... поступком. И это не всегда очевидно. Появляется необычный ракурс: к примеру, вера как ответственность. В пределе вся жизнь становится поступком. Следует поэтому разрабатывать концепт предельной «онтологической ответственности». В конечном счете метафизика человека есть ответственность за бытие.

Однако этический тренд метафизики человека сегодня не может ограничиваться только этим положением. Особую нишу в исследовании метафизики человека могут занять работы, посвященные исследованию трансгрессивного опыта, так как он нередко осуществляется под маской метафизики (как реализация потребности преодолеть природные пределы и установления), однако при этом всецело оторван от человеческих ценностей и норм, от трансценденции к высшему. В связи с этим особую актуальность обретает диалог «метафизики человека» с биоэтикой, ее развитие в биоэтической оптике.

Человек сегодня лицом к лицу столкнулся с проблемой: так ли уж *благостны* его метафизические устремления, так ли уж необходима реализация метафизической сущности ему самому и сущему в целом? Он бесконечно увлекся проектами коренной трансформации своей природы: телесности, чувственности, пола, способов размножения. Современный человек хочет даже физически стать другим; он метафизикой хочет создать себе новую «натуру». Фактически человек хочет полностью освободиться от природы, проделывая с нею трансгрессивные «опыты», но тем самым он может в буквальном смысле потерять человечность.

Долгое время философы доказывали безмерность человеческих возможностей, утверждая, что человек может быть кем угодно, что у него, по сути, нет пределов развития (так как он – универсальное существо). Но сегодня

радикальным может быть следующее положение: у человека все же есть некая «природа» (или структура), определяющая конкретную – человеческую – форму. За ее пределами человек может перестать быть человеком. Иначе говоря, человеческое устройство нельзя менять беспредельно.

Мы очень часто использовали понимание человека как «недостаточного существа» (А. Гелен). Но, вероятно, в человеческой природе заложена *необходимая* «мера», что природы в человеке более чем достаточно, и, изменяя эту меру, мы рискуем вовсе расстаться с человеком, расстаться с самими собой.

Итак, современный человек вплотную приблизился к своим собственным пределам и пытается ими играть. При отсутствии цивилизационных структур метафизическая способность человека может разрушить его самого и условия его существования. На наш взгляд, все это продуцирует интерес к метафизической проблематике как таковой. Объективный запрос на развитие «метафизики человека» налицо.

Список литературы

1. Корет Э. Основы метафизики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/koret01/index.htm> (дата обращения: 29.01.2020).
2. Лобковиц Н. От субстанции к рефлексии. Пути западноевропейской метафизики // Вопросы философии. – 1995. – №1. – С. 95–105.
3. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. – М.: Лабиринт, 1996. – С. 7–154.
4. Saykina G.K. The social consequences of the «death of the transcendent» / G.K. Saykina, K.V. Kondratiev // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2019. – Vol. 10. Iss. 4. – P. 159–164.
5. Saykina G.K. The Social Potential of Human Metaphysics: Human Metaphysics as Anthroposociodicy // Russian Studies in Philosophy. – 2015. – V. 53. Iss. 3. – P. 242–253.

6. Saykina G.K. Situation in the area of human metaphysics: Struggle of «School of origin» and «School of being» // Journal of Language and Literature. – 2014. – V. 5 (3). – P. 22–27.

7. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер.с фр. В.П. Визгина (Ч. 1), Н.С. Автономовой (Ч. 2). – СПб.: А-сad, 1994. – 406 с.

8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: ст. и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 16–27.

9. Шелер М. Философское мировоззрение // Избранные произведения / пер. с нем. – М.: Гнозис, 1994. – С. 3–128.

Сайкина Гузель Кабировна – д-р филос. наук, профессор ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия
